

Первые дни «Коммунара»

Молодёжи сейчас трудно себе представить Переславль на рубеже 1920-1930-х годов. Могучий вихрь Октября лишь слегка захватил этот тогда сонный город и его уезд, где попы десятков церквей и монахи пяти монастырей, где купцы и мещане (не сословные, а подлинные мещане), где мироеды-кулаки продолжали плести свои сети, заволакивая тружеников в паутину самых низменных отношений человека к человеку. Покорность, подбострастие, обман, взяточничество, подхалимство, пьянство — не хватает лексики, чтобы охарактеризовать эти отношения. И, главное, эксплуатация: кулаками — бедняков и батраков, купцами — приказчиков, владельцами мастерских — кустарей, арендаторами фабрик — рабочих. Тучных «Тит Титычей» на рубеже великого перелома всё ещё звали «благодетелями», «отцами», «кормильцами».

Но классовая борьба не утихла, нарастая с каждым часом. Этому способствовали и газеты.

Набаты переславской печати то гремели, то замирали. В трудное время становления Советской власти звучал «Голос Переславского Совета». В годы гражданской войны — «Известия уездного исполкома». В 1921 году на посеревших, облезлых и замшелых заборах и со стен домов кричали листы стенной газеты «Переславской РОСТА». Не было бумаги, не было красок. Скупые строки на жёлтой и серой бумаге лишь информировали. Агитацией и пропагандой занимались только горстка оставшихся коммунистов и сочувствующих им. Остальные ушли на фронт...

Потом пришла новая экономическая политика, провозглашённая Лениным и партией.

Вылезли из подполий присмирившие «отцы и благодетели», «кормильцы и поильцы» — торгаша, кулаки, попы... И шипели: «Наша взяла! Большевики повернули вспять!» Стратегическое отступление мещане приняли за поражение. И просчитались!

В 1928 году возродилась местная печать. Заговорил «Переславский Рабочий». Но это была двухнедельная газета и её голос слушали только рабочие и служащие «Красного эха», «Нового мира» и «Красного вышивальщика». А переславские мещане хихикали: «Не про нас писано». И вдруг — бомба!

В четверг, 14 сентября 1930 года, Переславль наводнился листами новой газеты. Вышел первый номер «Коммунара» — органа Переславского райкома ВКП(б), Райисполкома, Горсовета и Райпрофбюро.

С первых же страниц острые пики отточенных перьев начали ранить рутинёров, аллилуйщиков, любителей «спускать на тормозах», для которых самое основное — «как бы чего не вышло», подняли ожесточённую борьбу с кулаками, торгашами, попами, замечали ростки нового во всём, поддерживали всё передовое, что было в городе и районе.

В то время мы жили решениями XVI съезда партии. Первейшими задачами были — индустриализация страны, коллективизация сельского хозяйства, углубление культурной революции.

Я приехал в Переславль отдохнуть из Архангельской области, куда был направлен ЦК комсомола по призыву: «Молодёжь — на лесозаготовки!» У меня накопился кое-какой опыт в лесном деле и я намеревался поделиться им с переславцами. Была у меня даже брошюра, изданная в городе Пинега — «Новые методы — в лес». Но как? К своей радости узнал, что регулярно выходит газета «Коммунар». В руках у меня оказался один из первых номеров.

Заголовки кричали: «А кто там целуется с кулаками?», «Кончить оппортунистическую волюнку», «Не прятаться за объективные причины» и подобные. Но адреса редакции не было и я пошёл разыскивать её.

Покосившаяся калитка привела меня к двери, едва державшейся на петлях, отворив которую, я очутился в крохотной комнатке. Это и была редакция, помещавшаяся в первое время на задворках «Переславской типографии № 12». За столом сидели А. Коргунов, редактор, и Тимофей Мартынов, его заместитель, едва видневшийся среди бумаг и каких-то фолиантов. С Мартыновым я был знаком.

С большим радушием встретили меня газетчики. Мою брошюру взяли, поблагодарили и обещали её использовать в печати. Но чувствовалось, что им не до меня. Да и я сам видел, что газету делать негде... А материал сам лез на полосы. Шла III районная партконференция. Надо было сколачивать актив газеты. Найти людей боевых, которые могли бы не страшась бить по обнаглевшим «благодетелям и кормильцам», пытавшимся разваливать молодые колхозы, саботировавшим мобилизацию средств, срывавшими хлебозаготовки.

Живой, хорошей и действенной была газета 1930 года! Доставалось всем лодырям, рвачам, дезертирам производства, бюрократам, прогульщикам, тунеядцам, спекулянтам и иже с ними.

Газете подставляли ножки — заведующий коммунальным трестом Кондаков и технорук Сараев, — черепашьими темпами они ремонтировали новое помещение редакции. А газета всё же выходила несмотря ни на что!

Перед праздником XIII годовщины Великого Октября я опять побывал в Переславле и зашёл в «Коммунар». Дело наладилось, газета выходила регулярно, редакция была в другом заново отремонтированном помещении.

Коргунов с гордостью показал мне гранки праздничного номера:

— Смотри, фельетон Михаила Кольцова, написанный за этим вот самым столом. В один присест!

Проездом через Переславль, знаменитый журналист счёл своей обязанностью зайти в молодую редакцию и украсить «Коммунар» фельетоном. «Лучшее время года» — так его озаглавил автор.

В фельетоне по-кольцовски блестяще трактовалось о русской осени прежде и теперь. Он был опубликован 7 ноября, и кончался словами: «Русская хлипкая старая осень сгинула, она похоронена навеки. Уже 13 лет живёт новое, бодрейшее время года, полное гордой ясности, торжествующего смеха победителей, спокойной уверенности во взгляде вперёд». Насколько мне известно, этот фельетон М. Е. Кольцова в сборниках его статей не появлялся. Не сохранился ли оригинал его в архиве редакции?

И вот «Коммунару» 40 лет. Для человека такой возраст считается зрелым, но зрелость газеты определяется не возрастом, а её делами, её авторитетом, тем, насколько чувствительна она к пульсу повседневной жизни, насколько внимательна она к тому, «как рабочая и крестьянская масса на деле строит нечто новое в своей будничной работе... насколько коммунистично это новое».